

Уроки Камасутры

*Лилия
Подгайская*

Лилия Подгайская
Уроки Камасутры

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Подгайская Л.

Уроки Камасутры / Л. Подгайская — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Вадим Алексеевич, уверенный в себе и вполне состоявшийся мужчина, едет на отдых в родную глубинку, где лес, озеро и белки во дворе. И там совершенно неожиданно встречает удивительную женщину по имени Агата. Женщину интересную, но колючую как ёж, и не желающую иметь ничего общего с представителями мужского пола. Ему бы забыть её и жить дальше, как жил. Ан нет! Вредная Агата засела в сердце словно заноза, и не вытащишь её оттуда, как ни старайся. Но благосклонная Фортуна поворачивается лицом к измаявшемуся мужчине. Сбежавшая Агата вынуждена, в силу обстоятельств, обратиться за помощью именно к нему, Вадиму Алексеевичу. И шаг за шагом, очень нелегко и непросто, он завоёвывает всё же эту упрямицу. А причём здесь Камасутра? Эта мудрая книга становится действенным инструментом в руках мужчины, стремящегося сделать по-настоящему счастливой свою женщину. И в результате всех усилий горячая любовь, счастливая семейная жизнь и такие желанные дети. Хэппи энд, одним словом.

© Подгайская Л.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Лилия Подгайская

УРОКИ КАМАСУТРЫ

1

Вадим Алексеевич задумчиво смотрел в большой пузатый бокал, который согревал в ладонях. На дне бокала плескалась янтарная жидкость, издававшая знакомый приятный аромат. Напиваться сегодня не хотелось совершенно. Тянуло просто подумать, и надо признать, было над чем. По этой причине он не ушёл домой, а остался в своём уютном кабинете, поотключав все телефоны и сделав вид, что страшно занят каким-то неотложным делом. Секретарша, прежде чем уйти, принесла ему чай. Ходила чуть ли не на цыпочках, чтобы, упаси Боже, не нарушить ход мыслей шефа, и кого-то там увещевала в приёмной, что попасть сегодня в кабинет нет ни малейшей возможности – руководитель холдинга очень занят.

Он усмехнулся, довольный. Всё же он большая умница, похвалил сам себя, что не последовал примеру многих приятелей и не взял на работу какую-нибудь финтифлюшку, радующую глаз своими формами и юбочками, которых почти не видно, но не умеющую создать обстановку для продуктивной деятельности и полёта творческой мысли. То ли дело Евгения Илларионовна. Классическая секретарша. В меру строга к посетителям, в меру любезна с шефом, всегда аккуратная, подтянутая, а главное, заботливая. Как она чувствует его желания там, за стеной? Это оставалось для него загадкой, но радовало результатами.

Сейчас дверь приёмной закрылась за Евгенией Илларионовной, и Вадим Алексеевич знал, что его больше никто не побеспокоит. Он позволил себе вальяжно развалиться в кресле, задрав на стол ноги в безупречных туфлях испанской кожи. Недопустимая поза, конечно, но думается так почему-то лучше. «Так что же это на вас накатило, любезный?» – спросил он себя и углубился в собственные мысли в поисках ответа. На поверхности, далеко и искать не надо было, лежал вопрос с Алисой. Эта милая девушка, старательно изображающая любящую подругу, желательно в перспективе жену, начала уже всерьёз утомлять его. Разница в возрасте между ними была лет пятнадцать, если не больше. Да, с прискорбием приходится признавать, что сорокалетие подступает неотвратимо. Он слышал, мужчины в этом возрасте впадают в какой-то там кризис и начинают шалить уж слишком резво. Ему шалить не хотелось совершенно. Это осталось позади, когда он был ещё диким необъезженным мустангом. Сейчас он вполне воспитанный и управляемый конь, гордо несущий породистую голову. Но мчатся галопом по зелёной травке просто потому, что проглянуло солнышко, ему уже не хочется. Почему-то последнее время его, наоборот, тянет к тишине и отчаянно хочется ласковых понимающих глаз и тёплой руки на рукаве его пиджака.

Но разве такое возможно рядом с Алисой? Она, разрази её гром, прикладывает все усилия к тому, чтобы вновь превратить его в игривого, совершенно дикого и необъезженного скакуна. Она, видите ли, любит бурный секс. А что любит он, её, кажется, не занимает вовсе. Спешит выжать из него всё, что можно, пока он не свалился с инфарктом? Говорят, людей его уровня на подступах к сорокалетию эта напасть косит направо и налево. Особенно неженатых. Ну, и что теперь прикажете делать, если жены нет? В петлю лезть? Он сердито нахмурился. Ну, была жена, да сбежала. Не выдержала его слишком напряжённого темпа в работе и карьере. Потом было некогда. А теперь, где же её взять? Да и поздно, наверное.

Стремясь быть честным с любовницей, он широко открыл ей свой кошелек. Она удовлетворённо мурлыкала, но ограничиваться этим, по-видимому, не собиралась. Ей нужен был от него весь комплект удовольствий, какие только может получить женщина от мужчины. Подумать только, что она изобрела! Вадим Алексеевич фыркнул сердито, но и с ноткой юмора –

почему не посмеяться над собой, если заслужил? Пару недель назад эта красотка принесла с собой диск, который предложила посмотреть перед сном. Ба! Камасутра! Давно не виделись! Только раньше она была в печатном виде, с картинками. Теперь в натуральном, с живыми людьми. Да, прогресс наступает на человечество неотвратимо. Вадим Алексеевич чуть не рассмеялся вслух, когда эта девочка стала старательно повторять действия, показанные на экране, – ну прямо прилежная ученица в зале фитнеса, желающая стать неотразимой красавицей. Поначалу он вдохновился, правда, – ожили воспоминания молодости, скорее всего. Девчушка была безгранично горда и чрезвычайно довольна собой. Она, видимо, считала, что этот замшелый пень и знать не знает ничего эдакого, и она открывает перед ним широкий и многогранный мир секса. «А любовь найти ты не пыталась, девочка? – спросил он её мысленно, прикрыв глаза. – Тебе же лучше будет. А мне, поверь, это глубоко по фигу, как вы выражаетесь». Да, пора сворачивать отношения с этой нежной ланью. Вадим Алексеевич не просто предчувствовал, он знал, что ещё неделя-другая, и она притащит ему виагру. Только этого не хватало! Нет, с этим нужно кончать, и поскорее.

Приняв одно решение, мужчина слегка приободрился. Но это не снимало непонятного беспокойства, накрывшего его в последнее время. Видимых причин для этого не было. На работе всё как всегда, никаких катаклизмов. Конкуренция вежливо, но твёрдо придавлена, партнёры под неусыпным контролем. А как же! Правильно говорят умные люди, что дружба дружбой, а табачок, в нашем случае деньги, врозь. Только зазеваешься, и – ап! – откусили кусочек, да ещё желательного большого и вкусный. Нет уж! Тут он идёт давно проверенным путём и хорошо знает дорогу. Беспокоит что-то другое. Что?

Вадим Алексеевич не считал себя специалистом в области психоанализа, но прислушаться-то к себе мог. Он прислушался. Закрыв глаза, расслабился. И увидел над головой качающиеся ветви берёзы, голубое-голубое летнее небо, и ручеёк звенит где-то рядом. «Так вот оно что, – прояснилось в голове, – отдохнуть тебе, братец, захотелось. И не где-нибудь в заморских краях, а в наших родных просторах. Это мы запросто». Вадим Алексеевич обрадовался такому простому решению и взялся рассматривать его с разных сторон. При этом ощутил, что непонятное томление покинуло его, и появилась желанная активная деятельность. Это хорошо, замечательно просто. Он напряг свои мыслительные способности, стараясь вспомнить, что такое недавно говорил ему приятель Леонид Николаевич, директор крупного предприятия, шагающего в ногу со временем. Он, оказывается, любил именно такой отдых – один и на природе. Чтобы никого рядом, тишина и рыбалка. После мучительных раздумий не выдержал и, включив свой отдыхающий мобильник, позвонил приятелю. На неприятные вызовы постарался не обращать внимания – и так хорошо знал, что это Алиса обрывает телефон, и, скорее всего, ждёт его под дверью. Ключей от квартиры ему хватило ума ей не давать. Что ж, он хорошо отсидится здесь, в кабинете, коньяка хватит, и, кажется, сердобольная Евгения Илларионовна оставила там, рядом с чаем, пару бутербродов. Живём! А Алиса пусть дожидается под закрытой дверью. Не станет же она сидеть до утра. Завтра, конечно, она устроит сцену, но это он как-нибудь переживёт. Сегодня же ни видеть её, ни исполнять сексуальные танцы под аккомпанемент Камасутры он просто не в состоянии.

Леонид Николаевич понял его с первого слова и разлился соловьём.

– Какое место! Какое сказочное место! – повторял он с придыханием. – Ты представить себе не можешь, Вадим Алексеевич. На много километров вокруг – никого. Лес, тишина, ручей возле дома, чуть дальше озеро. Хочешь купайся, хочешь рыбу лови... Птички поют, белки бегают прямо во дворе. Не поверишь. Это просто рай на земле!

Вадим Алексеевич понял, что совсем лишил приятеля покоя своим вопросом. Тот не мог прийти в себя от нахлынувших приятных воспоминаний.

– Ты на землю-то вернись, Леонид Николаевич, – попросил он, – и поведай мне поскорей, где такое чудо чудное отыскать можно. Я прямо весь дрожу от нетерпения.

Приятель весело рассмеялся и всё ему рассказал. Оказалось, что это в лесничестве, в заповеднике имеет он такое хорошее знакомство. Лесник принимает к себе на постой одиноких мужчин, но только по строгому отбору и по надёжной рекомендации. Не любит он ни шума, ни пьянок в своём доме. А жена его готовит в печи так, что пальчики оближешь. Вадим Алексеевич уже готов был нестись на всех парах в это райское место, но нужно было договориться с лесником, сославшись на милого его сердцу директора, подготовиться самому и здесь уши надрать заранее всем, кому следует, чтобы трудового энтузиазма хватило как раз до его возвращения. И с Алисой покончить. Он поморщился и принял за коньяк. Теперь уже всерьёз.

Через неделю всё было готово. Собран рюкзак – не чемодан современный на колёсиках, а именно рюкзак, чтобы лучше прочувствовать всю глубину перемен в организации отдыха. Вещи там положены самые простые, но практичные и удобные. Не забыт спиннинг и всякие другие принадлежности для этой мужской забавы. Даже сапоги резиновые прихватил, ну, современные, конечно, не те прежние, чёрные и бесформенные. Плащ-накидку сверху приторочил – у приятеля на антресоли обнаружена была эта полезная вещь, тесть его военным был, офицерил в давние времена. Как будто бы всё. Лесник его уже дожидается.

Вадим Алексеевич отпустил машину возле шлагбаума – правила, так правила, они для всех писаны – и дальше двинулся пешком. Идти было недалеко, километра три, не больше. И сразу на него навалилась эта сказочная лесная тишина. Она в лесу совсем особенная. Там птичка пискнет, там кто-то мелкий прошуршит в траве, там ветерок пронесётся в вершинах деревьев. И всё. И никаких тебе звуков технического происхождения, сопровождающих нашу повседневную жизнь. Никакой тебе залихватской музыки, доносящейся из окон и проезжающих машин. Хорошо-то как! Он подтянул ляжку рюкзака на плече и весело зашагал вперёд. Давно забытое сказочное ощущение ничем не ограниченной свободы охватило его. К тому же он действительно освободился от Алисы и чувствовал себя при этом великолепно. Она, конечно, порыдала для порядка, попробовала его разжалобить, но, поняв, что всё это бесполезно, перевела разговор в экономическое русло. Умная девочка, всё-таки, ничего не скажешь. Он не стал скупиться, и Алиса, тяжело вздохнув, отпустила его на вольный выпас, так сказать.

Домик лесника, и, правда, оказался похож на сказочную избушку в лесу. Всё правильно ему Леонид Николаевич рассказал. И ручеёк, и белочки во дворе, и тишина, и птицы – всё на месте. А озером он поинтересуется немного позднее. Пока что надо с хозяевами познакомиться.

Егор Степанович оказался крепким и далеко не старым ещё мужичком с окладистой бородой и пронзительно голубыми, всё видящими глазами. Он был приветлив и тут же призвал свою супругу. Средних лет женщина в простом летнем платье и симпатичном клетчатом переднике, невысокая, в меру полная и вся какая-то удивительно уютная на вид, появилась из глубины дома и сразу же приветливо заулыбалась:

– Проходите, проходите, гость дорогой! Мы ждём вас. Я уж и комнату приготовила, и обед соорудила. Вы там, в городе своём, небось, и забыли о простой деревенской пище.

Вадим Алексеевич вынужден был признать, что да, забыл. Однако сразу вспомнил, когда учуял божественные запахи еды, приготовленной в настоящей печи. Куда до неё современным микроволновкам и прочим новинкам кухонного оборудования. У него в кухне их целый арсенал – чтобы приходящей женщине удобнее было готовить ему еду, и времени бы уходило меньше. Но здесь... Он быстренько сбросил с плеча рюкзак, помыл руки под стареньким и кое-где побитым рукомойничком во дворе – прелесть какая! – и уселся за стол. Егор Степанович присоединился к нему, и они провели удивительно приятный ленч, поглощая вкусные блюда, приготовленные руками Матрёны Евграфовны, и неспешно беседуя. Хозяйка сделала всё, что считала нужным, и тоже присоединилась к ним. Отдых начинался замечательно. Потом Вадим Алексеевич поднялся в выделенную ему комнатку. Она оказалась наверху, под крышей, но была на удивление уютной. Он выложил из рюкзака вещи, переделался и отправился

знакомится с озером. Гулял долго. Под вечер вернулся удовлетворённый, слегка уставший от прогулки, воды и обилия свежего воздуха, поужинал и завалился спать. Первый день отдыха прошёл «на ура».

Рано утром его разбудили петухи, которые горланили на разные голоса. Их оказалось в хозяйстве всего три, но шум они создавали такой, словно их здесь целый батальон. Мужчина весело рассмеялся и спустился вниз, к деревьям, ручью и прыгающим вокруг белкам. Приятный отдых покатило дальше. Три дня пролетели в великолепном ничегонеделании, наслаждении лесом и озером. Он вдоволь наплавался, даже рыбку половил, чем вызвал одобрительную улыбку хозяйки и молчаливый восторг кошки Муськи, которой тоже досталось кое-что от его улова. Успел подружиться с огромным и устрашающим на вид волкодавом Тимофеичем, который оказался удивительным добряком. В общем, Вадим Алексеевич пребывал на вершине блаженства. И вдруг...

Было позднее субботнее утро. Дни недели и числа он ещё помнил. А вот почему они вчера вечером так надрались вдвоём с Егором Степановичем, запомнил напроочь. Он, конечно, привёз с собой бутылочку приличного коньяка (и не одну, следует признаться), но и хозяин поставил на стол что-то эдакое, не совсем понятное, но идущее как по маслу. В общем, подниматься к себе наверх ему было потом ох, как нелегко. И проснулся он куда позднее обычного. Хозяин – человек тренированный – уже ушёл по своим лесниковским делам, а сердобольная Матрёна Евграфовна поднесла ему маленькую рюмочку вчерашнего зелья, и жизнь стала налаживаться. Потом он съел несколько вкуснящих блинчиков с малиновым вареньем, выпил чаю и совсем ожил. Он плескался возле кадки с водой во дворе, наслаждаясь каждой пригоршней прозрачной жидкости, попадавшей в лицо и на голую грудь. От полного удовольствия он даже замурлыкал что-то и вдруг инстинктивно насторожился, прислушиваясь. Что-то было не так. Оглянулся. Так и есть. Возле калитки стоял старенький велосипед, а рядом с ним женщина. Совсем даже не старая и не похожа на местную. Но одета просто. А глаза насмешливые, острые, напоминающие цветом глаза хозяина, с которым они вчера так хорошо резвились, только более колючие.

– О! Фемина! – несколько даже развязно произнёс Вадим Алексеевич. – Откуда вы, прекрасное виденье?

– Оттуда, – она указала большим пальцем куда-то за спину, – и туда.

Указательный палец был направлен прямёхонько на дом, ставший пристанищем для ищущего покоя и пусть временного забвения усталого мужчины. А тут, нате вам, явление. И ничего ты с этим явлением не сделаешь, это сразу видно, потому что ведёт оно себя слишком уж похозяйски. Его о таком приятель не предупредил.

– А вы, надо думать, новый постоялец дяди Егора? – заметила она не слишком приветливо. – Он мне вчера что-то такое говорил. Я поздно приехала, когда вы уже вдоволь откушали самогоночки пополам с коньяком, судя по бутылкам, и удалились на покой.

Голос был неприветливый, и глаза, оглядывающие его голый торс, всегда вызывавший в женщинах искренний интерес, оставались холодными.

– А вы кто? – не удержался от вопроса мужчина, хотя уже и начинал смутно подозревать самое неприятное.

– Я – племянница вашего хозяина и вчерашнего собутыльника, – заявила она насмешливо. – Агата Витальевна меня зовут. И не открывайте глаза так широко. Моя мать была большой любительницей детективов.

– Вадим Алексеевич, – спохватившись, представился постоялец, при этом вытянулся во весь рост и слегка склонил голову, поклонился, значит.

В ответ необычная женщина сверкнула насмешливыми глазами и присела в самом что ни на есть настоящем реверансе, правда не слишком глубоком. Не принц ведь перед ней из правящего дома Винзоров, право слово. И, вытащив из велосипедного багажника большую

сумку, прошествовала мимо него, ошарашенного, в дом, откуда сразу раздался голос Матрёны Евграфовны:

– Ты уже видела нашего постояльца, Агаточка? Надеюсь, не успела надерзить ему?

– Видела, тётушка, – был ответ, – а если и надерзила, так самую малость.

Вадим Алексеевич ухмыльнулся и ушёл в лес прямо так, как был, почти что раздетый. Ему было необходимо час-другой поплавать в прохладной воде озера, чтобы прийти в себя после вчерашнего веселья и сегодняшнего шока. Кажется, прекрасно налаженная жизнь в тишине лесного хозяйства дала трещину.

Однако когда он вернулся во двор, первая, кого он увидел, была, конечно же, она – Агата Витальевна, или Агаточка.

– Вы не пугайтесь, – примирительно произнесла она из-за охапки белья, которое несла развешивать в конце двора, – я завтра вечером уеду, и никто не станет нарушать ваш покой. Но эти два дня вам придётся меня потерпеть. Поскольку изменить себя только потому, что в доме моего дядюшки поселился большой босс, я не в состоянии.

Вадим Алексеевич хмыкнул и гордо прошёл мимо – видали, мол, мы таких храбрых воробушков. Только и коты вокруг не дремлют. Правда, он сам превращаться в кота, охотящегося за мальыми пташками, не собирался категорически. Он приехал сюда отдыхать, и будет успешно это делать и дальше, чёрт побери всё на свете. И никакие голубые насмешливые глаза ему не помешают. В этом он уверен абсолютно точно.

Дальше день потёк относительно спокойно. А ближе к вечеру, когда солнечные лучи смягчились и приняли другой оттенок, а несговорчивая племянница ушла с корзиной в лес, Матрёна Евграфовна подошла к постояльцу, что-то старательно делающему у дальней калитки, выходящей на выпас.

– Вы не обижайтесь на Агаточку, Вадим Алексеевич, – тихо попросила женщина, – такая уж она есть, и никто её теперь не переделает, видно.

Вадим Алексеевич галантно заверил хозяйку, что у него ничего дурного и в мыслях не было, однако она не обратила на его слова никакого внимания.

– Что-то там такое случилось у неё на личном фронте, – продолжала она тихим голосом, – ещё в молодости, и с тех пор она вот такая колючая. И ни одного мужчину к себе близко не подпускает. Я бы и не знала ничего, да мне подруга её Маша рассказала, она приезжает с ней иногда сюда на денёк-другой.

Матрёна Евграфовна задумалась ненадолго, потом встрепенулась:

– А так в жизни у неё всё хорошо. Работает в институте, не помню, как называется, химии там обучают. Она сама, умница, уж одну диссертацию – правильно говорю? – он кивнул, – закончила, теперь другую делает, ещё более важную. И ещё работает там на ответственной должности, странным словом «декан» она называется. Студенты её любят, преподаватели уважают. Всё хорошо, только вот в личной жизни ничего у неё не получается. Она как стеной отгородилась, и слышать ничего не желает.

– Это вам всё Маша рассказала, Матрёна Евграфовна? – поинтересовался он.

– А то кто же? – удивилась хозяйка. – Из этой упрямыцы слова не вытянешь, если насчёт личных вопросов спрашивать начнёшь. Молчит, как партизан на допросе.

– А так она добрая и отзывчивая, – добавила женщина, немного подумав. – Любому человеку в беде поможет, если это в её силах. Вот недавно...

Но тут на опушке леса показалась сама героиня их беседы с тяжёлой корзиной в руке, и Матрёна Евграфовна устремилась ей навстречу. А Вадим Алексеевич так и не узнал, в чём проявляется доброта этой красивой, но удивительно колючей женщины.

Чуть позже хозяйка сообщила ему, что как стемнеет, они шашлыки затеют. Мясо уж замариновано. Вот Егор Степанович из своего обхода вернётся, и начнут.

– Может, помощь какая нужна? – любезно предложил постоялец.

– Да нет, спасибо, вы отдыхайте. Егор Степанович страсть как любит сам всё это делать, никого не допускает даже рядом постоять. Говорит, шашлык – это вещь тонкая, тут ко всему особый подход нужен.

Вадим Алексеевич отдыхать не стал, а вынул свой суперсовременный мобильный телефон и отдал какие-то распоряжения. Потом позвонил ещё раз. Повозился опять немного у калитки, ведущей на выпас. А затем накинул рубаху в красивую крупную клетку и отправился в сторону шлагбаума. Вернулся он часа через полтора, отягощённый двумя большими пакетами. Егор Степанович уже во всю колдовал с шампурами, и в воздухе разливался божественный аромат жарящегося мяса. На простом деревянном столе под большой раскидистой яблоней красовалась нарезанная зелень и нежно пах свежее испеченный хлеб. Постоялец пристроил свои пакеты рядом с деревом и пошёл предлагать посильную помощь хозяину – уж носить-то шашлыки ему доверят. Егор Степанович улыбался во весь рот, и они вдвоём понесли источающие жирный сок и сказочный аромат шампура, щедро заполненные кусочками мяса вперемежку с кольцами лука. Вкуснотища была – ни в сказке сказать, ни пером описать. Вадим Алексеевич извлёк из своих пакетов бутылки.

– Вот это любезным дамам, – провозгласил он, ставя на стол две бутылки испанского красного вина, – а это нам, грешным.

На столе появились две бутылки отличной дорогой водки. Егор Степанович одобрительно ухмыльнулся.

– И прошу уважаемую публику не переживать, – добавил улыбающийся гость, – этим запасы сегодняшнего вечера не исчерпываются. Тем более что количество шампуров с готовым продуктом открывает большие возможности.

Мясо оказалось удивительно вкусным, зелени к нему больше чем достаточно, и бутылки на столе не стояли без дела. Лица у всех сидящих под яблоней порозовели, глаза заблестели. На свежем воздухе, да под такую знатную закуску спиртное веселило, но не сбивало с ног. Дамам испанское вино исключительно понравилось – не зря ведь он водителя десять минут инструктировал, что и где брать, – Матрёна Евграфовна раскраснелась вся и, кажется, даже помолодела. Ещё чуть-чуть, и в пляс пустится женщина. Агата сидела притихшая. Егор Степанович распалил небольшой костерок, когда совсем стемнело, и всё стало очень похоже на далёкие полузабытые вечера молодых лет. Вадима Алексеевича потянуло на лирику. Он попросил разрешения взять гитару – видел её как-то там, в горнице – и, получив его, устроился в сторонке, под деревом. Покрутив что-то там и побренчав струнами, повёл рукой, и лёгкая мелодия понеслась над лесом. А потом он запел. Голос у него был не слишком сильный, но очень приятный, бархатный, и со слухом всё в порядке.

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдёт, как с белых яблонь дым.
Увядания золотом охваченный,
Я не буду больше молодым —

завучало над притихшей землёй. Песня лилась, слушатели замерли, глядя на него умильными глазами. Только Агата опустила взгляд, и непонятно было, нравится ей его пение или нет. Потом ещё Есенин, и ещё раз. А следом пошло что-то современное, не такое щемяще тоскливое, но вполне лирическое и романтическое. А потом Вадим Алексеевич отложил гитару, встал и ушёл в темноту. Ему нужно было побыть одному. Слишком уж сильно расшевелил он свои глубоко упрятанные чувства, казалось, оставленные там, в давно прошедших молодых годах, и остро, как никогда, ощутит отчаянное желание простого человеческого счастья.

Когда он, проветрившись и успокоившись, вернулся к дому, остатки пиршества были уже убраны, костёр погашен, а хозяйева, видно, ушли в дом. Он тихо поднялся в свою комнатку под

крышей и улёгся спать. Уснул не сразу. А утром проснулся чуть свет. Сна ни в одном глазу, и очень потянуло на озеро. Искупаться захотелось, поплавать и смыть с себя непонятно откуда нахлынувшее оживление чувств, давно пережитых и забытых, казалось, навсегда.

К озеру шёл не спеша, предвкушая сказочное удовольствие от прохладной чистой воды, омывающей тело и успокаивающей душу. Но покоя не вышло. Уже подходя к воде, скрытой за деревьями, он услышал шум – плещется кто-то. Для рыбы, вроде крупновато. Никак, человек? Осторожно выглянул из-за деревьев и увидел женскую головку над водой – Агата плавала в озере, как большая белая рыбина. Прозрачная вода не скрывала ничего, и он понял, что на ней нет ни ниточки. Агата купалась обнажённой. Он замер. А она, наплававшись вдоволь, вышла на берег. Нежное утреннее солнце озаряло ладную фигурку с тонкой талией и длинными стройными ногами. Упругая девичья грудь и плоский живот. Женщина, не познавшая материнства. Агата отжала волосы и, свободно распустив их, принялась обсыхать под ласково греющими лучами. Блаженно жмурясь, она поворачивалась к солнышку то одним, то другим боком, и Вадим Алексеевич имел возможность любоваться то упругой грудью, то аккуратной аппетитной попкой. Она крутилась перед ним как заправская модель на подиуме, а он стоял, затаив дыхание, и не в силах был сдвинуться с места. Во рту пересохло, он даже не мог дышать, кажется, так ему хотелось схватить всю эту роскошь, щедро открытую его взгляду, и утащить под дерево, на мягкую траву. И там... Умом он понимал, что это нехорошо, подглядывать за ничего не подозревающей женщиной. Ещё хуже так остро, так отчаянно желать её. Но тело не соглашалось подчиняться голове. Оно просило, нет, оно требовало немедленного и полного удовлетворения.

На его счастье, Агата не стала искушать его слишком долго. Лишь слегка обсохнув, она набросила на голое тело лёгкое платьице, ещё раз растрепала мокрые волосы и направилась к тропинке, ведущей домой. Вадим Алексеевич едва успел спрятаться поглубже в зелень и затаил дыхание. Агата прошла совсем близко, он даже ощутил исходящий от неё запах свежести, но его не заметила. Медленно, какой-то свободной, лёгкой, раскованной походкой она двинулась в сторону дома. А он, раздевшись донага, прыгнул в озеро и долго плавал в прохладной воде, успокаивая неожиданно возникшее желание и снимая напряжение. Потом погулял по берегу, обернувшись полотенцем, и снова плавал до изнеможения. Мышцы устали, но картина перед глазами не уходила – белое женское тело, щедро открытое его взгляду, в самых разных ракурсах. С этим надо было что-то делать. Так с ума можно сойти. Он вернулся в дом, мечтая, чтобы она исчезла куда-нибудь, ушла, уехала. Смотреть ей в глаза он просто сейчас не смог бы. Судьба оказалась к нему милостива, и Матрёна Евграфовна сообщила, что скоро будет свежее молоко и творог – Агата поехала к живущей километрах в десяти Степаниде Евсеевне, их дальней родственнице, привезёт обязательно. Их-то корова сейчас безмолочная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.